

В. П. КАЗАКОВ

## КОНЦЕПЦИЯ ДЕМОКРАТИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ АРГЕНТИНЫ

Освобождение от Испании стало отправной точкой длительного процесса национально-государственной организации и складывания аргентинской нации. Молодой стране еще предстояло найти свое место в мире, социальные институты, которые подвели бы под независимость прочное основание. С завершением войны за независимость развернулась острая борьба вокруг путей дальнейшего развития Аргентины. В историографии она получила название борьбы унитариев и федералистов.

Унитарии во главе с первым президентом Аргентины Б. Ривадавией (1826–1827) стремились путем проведения либеральных реформ направить развитие страны по пути ускоренной модернизации. Падение Ривадавии открыло дорогу к торжеству федералистов и установлению консервативной диктатуры Х. М. Росаса (1835–1852). В отличие от либералов-унитариев, стремившихся «европеизировать» Аргентину, Росас и идеолог диктатуры П. де Анхелис выступали за укрепление «традиционных общественных устоев». Они, как и другие латиноамериканские консерваторы, избрали в качестве *национальной* основы ценности испанского наследия. Консерваторы преуменьшали значение Майской революции 1810 г., положившей начало освобождению Аргентины от испанского колониального ига, которая, по их словам, первоначально не была направлена против власти испанской короны, и лишь непонимание этого метрополией привело к провозглашению независимости. Идеи и реформы унитариев осуждались как чуждые иностранные заимствования.

Консервативная идеология не завоевала ведущих позиций в общественной мысли. В борьбе с ней появилось «поколение 1837 года» — первое в истории независимой Аргентины общественно-политическое движение передовой интеллигенции, посвятившее себя борьбе за социальное и духовное обновление страны. Из его рядов вышли видные ученые, литераторы, общественные и политические деятели, подготовившие падение диктатуры Росаса и определившие идейное развитие Аргентины во второй половине

XIX в.: Х. Б. Альберди, В. Ф. Лопес, Б. Митре, Д. Ф. Сармьенто. Вождем «поколения 1837 года» был аргентинский мыслитель, поэт и общественный деятель Эстебан Эчеверрия (1805–1851).

Идея организации страны на демократической основе стала краеугольным камнем его учения, а демократия — главной темой творчества. «Наша исходная точка и наша цель — демократия»<sup>1</sup>, — писал Эчеверрия. «Демократия — это то основное единство, которое мы ищем посредством объединения всех прогрессивных учений; она будет тем фокусом, в котором сойдутся все наши усилия и замыслы»<sup>2</sup>. Эчеверрия понимал демократию как принцип социальной организации. Она призвана обеспечить всем и каждому «наиболее широкое и свободное удовлетворение их естественных прав, наиболее широкое и свободное применение их способностей»<sup>3</sup>. Эчеверрия воспринял идею А. Токвиля о «великой демократической революции», целью которой является установление равенства классов. В представлении Эчеверрии общество разделено на классы. Демократией является «режим, основанный на свободе и равенстве классов». Равенство классов включает личную свободу, свободу гражданскую и свободу политическую<sup>4</sup>.

Вслед за Токвилем Эчеверрию занимала проблема: как в условиях демократии обеспечить свободу, гарантию прав индивида против «тирании большинства». Для него вопрос был не только теоретическим. Провозглашенный Майской революцией неограниченный суверенитет народа — невежественного и неготового к управлению — породил деспотизм, привел к установлению диктатуры. Поэтому Эчеверрия выступал против «принципа всемогущества масс» и постарался очертить границы суверенитета народа. Понятие народного суверенитета имело у него либеральный характер. В духе либерализма он считал, что личное право человека предшествует гражданскому праву, и потому «суверенный народ или большинство не может нарушать эти индивидуальные права»<sup>5</sup>. Суверенитет народа основывается на разуме. Суверенен только коллективный разум,

---

<sup>1</sup> Эчеверрия Э. Социалистическое учение Майской ассоциации // Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX – начало XX в.). М., 1965. С. 90.

<sup>2</sup> Там же. С. 91.

<sup>3</sup> Там же. С. 78.

<sup>4</sup> Там же. С. 77.

<sup>5</sup> Там же. С. 78.

коллективная воля не суверенна: «Она слепа, капризна, неразумна; воля жаждет, разум исследует, взвешивает и принимает решения». Демократия для Эчеверрии не является «абсолютным деспотизмом ни масс, ни большинства: это режим, основанный на разуме»<sup>6</sup>.

Эчеверрия решительно выступал против всеобщего избирательного права, считая его «нелепостью». Для осуществления суверенитета он выдвигал следующие условия: образовательный ценз, полезная деятельность и личная независимость<sup>7</sup>. Таким образом, на первом этапе своего становления демократическая система должна носить элитарный характер, что объяснялось социально-политическими реалиями Аргентины. Вместе с тем Эчеверрия в полной мере сохранял за массами гражданские права и считал, что общество и представляющее его правительство должно открыть им дорогу к суверенитету, помогая бедным и обездоленным, стремясь поднять класс пролетариев до уровня других классов.

Для Эчеверрии демократия была традицией, принципом и институтом: «Демократия как традиция — это Май, непрерывный прогресс. Демократия как принцип — это братство, равенство и свобода. Демократия как институт, поддерживающий принцип — это голосование и представительство в муниципальном округе, в департаменте, в провинции и в республике»<sup>8</sup>. Анализируя историческое наследие Майской революции, Эчеверрия пришел к выводу, что «Майская революция оставила нам как результат традицию и Догму — суверенитет народа, т. е. Демократию»<sup>9</sup>. Демократия как принцип и институт требуют от общества подготовить народ к демократии посредством образования и пропаганды и разработать наиболее адекватные принципы организации власти на федеральном и муниципальном уровнях.

Демократическая организация страны виделась Эчеверрией в создании «истинной федерации». Для него «истинная федерация» — это федеративная организация провинций и республики: сохранение суверенитета и независимости каждой провинции во всем, что касается ее внутренних дел, и установление центральной власти для ко-

---

<sup>6</sup> Там же. С. 79.

<sup>7</sup> Там же. С. 79-80.

<sup>8</sup> *Echeverria E. Obras completas*. Buenos Aires, 1951. P. 314.

<sup>9</sup> *Ibid.* P. 309.

ординации интересов и управления общими делами. Фундаментом такой федерации должна была стать муниципальная система. Концепция местного самоуправления — ключевое звено выдвинутой Эчеверрией программы «организации страны на демократической основе». «Мы хотим, писал Эчеверрия, организации демократии и как необходимой основы для этой организации — создания муниципальной системы в каждой провинции и по всей республике. Только таким образом можно претворить в жизнь идеи Майской революции... Муниципальная система — единственная, которая может обеспечить аргентинцам осуществление идей братства, равенства и мирное развитие страны по пути прогресса»<sup>10</sup>. Она должна была стать школой демократии, «где народ научится узнавать свои интересы и права, где приобретет гражданские обычаи, где понемногу научится управлять собой под бдительным оком просвещенных патриотов»<sup>11</sup>.

Эчеверрия не являлся сторонником революционных методов борьбы за установление демократии. В раздираемой гражданскими войнами стране он призывал «унитаризировать федералистов и федерализировать унитариев», объединить всех патриотов вокруг идей братства, равенства, свободы в единой национальной партии под названием «Майская ассоциация» с ее программным документом — написанной Эчеверрией «Социалистической догмой». Он полагал, что страна не созрела для «материальной революции», которая вместо того чтобы принести свободу, принесла бы реставрацию, анархию или господство новых каудильо<sup>12</sup>. Эчеверрия выступал за «моральную революцию», которая подготовит общественное мнение и необходимые условия для устранения тирании и через относительно длительный переходный период приведет к установлению демократии.

В отличие от социально-политических условий экономические предпосылки утверждения демократии не были в центре внимания Эчеверрии. Он практически не касался вопросов земельной собственности, иммиграции, развития промышленности. Все эти вопросы подверглись специальному рассмотрению в работах Хуана Баутисты Альберди (1810–1884), которому Эчеверрия завещал продолжить начатое им. Альберди сыграл выдающуюся роль в разработке кон-

---

<sup>10</sup> Ibid. P. 273.

<sup>11</sup> Ibid. P. 313.

<sup>12</sup> Ibid. P. 157.

цепции окончательной организации Аргентинской республики после падения диктатуры Росаса, став автором проекта принятой в 1853 г. конституции. В своих сочинениях Альберди плодотворно развил идею, впервые выдвинутую Эчеверрией: необходимо осваивать достижения европейской цивилизации, не слепо копируя их, а приспособливая к условиям национальной действительности.

Уже в своей первой работе «Предварительные заметки к изучению права» Альберди поставил проблему демократии. В его представлении она была конечным рубежом, который достигается после долгого просвещения народа: «Демократия является концом, а не началом народов»<sup>13</sup>. Отправной точкой конституционной доктрины Альберди стало десятое символическое слово — «Организация страны на демократической основе» — Социалистической догмы, написанное им совместно с Эчеверрией. Изложенные здесь идеи Альберди развил в своем главном труде «Основы и исходные положения для политической организации Аргентинской республики». Альберди пришел к выводу, что в условиях Аргентины «невозможна ни чистая федерация, ни унитарное государство. Нужна унитарная федерация или федеративное единство», иными словами, «смешанная федерация»<sup>14</sup>.

В отличие от Эчеверрии, чьи взгляды приближались к классическому пониманию федерализма, у Альберди речь шла не о союзе равных территорий, которые передают часть своего суверенитета центральному правительству, а о том, *что* федеральная власть предоставляет провинциям. Муниципальная система, права провинций — все элементы демократии должны придти позже. Альберди расходился с Эчеверрией и в понимании путей, ведущих к демократии. Альберди не верил, что воспитание креольского населения приведет к демократии. Комментируя Токвиля, Альберди отмечал: «Английская свобода существует в их обычаях... Североамериканская демократия живет в обычаях североамериканцев... Мексика переняла конституцию Северной Америки и не является свободной, потому что переняла письменную конституцию, а не живую,

---

<sup>13</sup> Alberdi J. A. Fragmento preliminar al estudio del derecho. Buenos Aires, 1955. P. 53.

<sup>14</sup> Alberdi J. A. Bases y puntos de partida para la organización política de la Republica Argentina. Buenos Aires, 1989. P. 118, 102.

не их обычаи»<sup>15</sup>. По убеждению Альберди, право, как и само общество, порождены обычаями, которые труднее устранить, чем убрать правителей. Отсюда проистекало главное положение всего «цивилизаторского» проекта Альберди: если закон не укоренен в обычаях, он мертворожден.

Но как заменить вредные привычки старой культуры новыми обычаями современной цивилизации? Необходимо было, согласно Альберди, трансплантировать Европу в Аргентину, переместить сюда европейское население, которое принесет с собой новые обычаи и культуру. Другими словами, установить уже сложившуюся цивилизацию. Этой цели должны были служить конституции. Констатируя, что конституционное право Южной Америки противоречит интересам материального прогресса, от которого зависит ее будущее, Альберди призвал пересмотреть его в соответствии с новыми потребностями: «Если раньше мы провозглашали идеалы независимости, свободу вероисповедания и т. д., то сейчас мы должны декларировать свободу иммиграции, торговли, железных дорог, развивающейся промышленности, но не взамен прежних высоких идеалов, а только в качестве необходимых и серьезных мер во имя того, чтобы идеалы эти перестали быть словами и превратились бы в действительность. Сегодня нам необходимо иметь солидное население, железные дороги, судоходные реки ради того, чтобы наши страны стали богатыми и сильными»<sup>16</sup>. Конституция задумывалась Альберди как программа заселения Аргентины европейскими иммигрантами и развития ее производительных сил на основе привлечения в страну иностранного капитала: «В соответствии с этим заселение Аргентинской республики, в настоящее время пустынной и одинокой, должно стать великой и первоочередной целью ее конституции на много лет. Эта Америка нуждается в капиталах так же, как в населении. Иммигрант без денег словно солдат без оружия. Сделайте так, чтобы иммигрировали песо в эти страны будущего богатства и настоящей бедности... Так что в особенности экономической является цель конституционной политики и правительства в Америке. Таким образом, в Америке управлять значит заселять»<sup>17</sup>.

<sup>15</sup> Цит. по: *Botana N. R. La tradición republicana.* Buenos Aires, 1984. P. 299.

<sup>16</sup> *Alberdi J. B. Bases...* P. 36.

<sup>17</sup> *Ibid.* P. 82, 64, 163.

Для Альберди беды южноамериканских стран проистекали из их стремления перейти сразу, непосредственно от абсолютной монархии к «настоящей» республике. Альберди полагал, что между ними должен быть промежуточный этап — республика «возможная»: «Республика не может иметь другой формы, когда следует за монархией, нужно, следовательно, чтобы новый режим содержал кое-что от старого»<sup>18</sup>. Республика «возможная» должна была покончить с анархией и существовать до тех пор, пока гражданские свободы не вызовут появление новых обычаев и привычек, которые позволили бы перейти к республике «действительной». Предложенное Альберди решение воплотилось в конституции 1853 года, учредившей сильную исполнительную власть в лице президента. Альберди не скупился на похвалу следующему высказыванию С. Боливара: «Новые государства Америки, прежде испанской, нуждаются в королях под именем президентов»<sup>19</sup>. Для Альберди это не было отрицанием демократических принципов, а являлось неизбежным компромиссом со старым порядком. Разрыв с ним, создание «действительной» республики должны наступить позднее, когда новое население, промышленность и богатство покончат со старой культурой. На весь переходный период учреждалась республика «возможная». Ее задачей было создание гражданского общества, из которого в будущем появится республика «действительная».

Концепция Альберди была не единственной, претендовавшей на объяснение прошлого и намечавшей пути на будущее. Со своим проектом национального строительства выступил другой выдающийся аргентинский мыслитель Доминго Фаустино Сармьенто (1811–1888), который внес неоценимый вклад в формирование национальной культуры и наряду с Эчеверрией и Альберди стал основоположником аргентинской социологии.

Сармьенто приветствовал конституцию 1853 года и ее создателя Альберди. Вместе с тем он выразил несогласие с рядом положений концепции Альберди и выдвинул собственный вариант развития страны. В отличие от Альберди Сармьенто не допускал компромисса со старым порядком. Для него варварство носило, прежде всего, социальный характер: безлюдная пастушеская деревня, одиночество,

---

<sup>18</sup> Ibid. P. 43.

<sup>19</sup> Ibidem.

неграмотность. Он проецировал варварство на политический порядок: сопротивление власти, отрицание закона. Для Альберди символом цивилизации был порядок, неукоснительное соблюдение принципа власти. А все, что этому мешало, являлось варварством. У Сармьенто республика создает гражданина, который формирует общество. У Альберди, наоборот: пока трансплантация европейской цивилизации не приведет к социальным изменениям, нужно опираться на традиционные социальные силы. Сармьенто считал достаточным при активном участии правительства перенести в Аргентину материальную часть цивилизации. Иммигрант должен быстро натурализоваться, и старая Аргентина исчезнет.

В понимании Сармьенто республика «возможная» Альберди означала аристократическую власть, являлась реакционной идеей. Сармьенто указывал, что монархизация исполнительной власти будет иметь непредсказуемые для страны последствия, ее концентрация в руках федерального правительства сделает призрачными права провинций. Отсутствие сдержек и противовесов, гарантий прав меньшинства приведут к образованию провинциальных олигархий. Разрушению федеральной системы будет способствовать также конституционная фигура губернатора как агента федерального правительства. Верховенство провинций над местными органами, а национального правительства над провинциальными он не без оснований рассматривал как наихудшее из зол<sup>20</sup>.

Сармьенто предлагал перенести в Аргентину конституционную модель США. Он — сторонник реальной федерации. Сармьенто выступал за такое федеральное правительство, в котором принимала бы участие каждая провинция, и таким образом, путем взаимного контроля, гарантировалась свобода. Без политических свобод в провинциях федеральная система не располагала бы «резервами свободы», чтобы противостоять национальному правительству. Но чтобы в провинциях восторжествовала демократия, необходима коренная реорганизация провинциальных легислатур, превращение их через свободные выборы в центры народного представительства<sup>21</sup>. По примеру США необходимо учредить трехуровневую систему власти: муниципалитеты, провинциальные легислатуры и националь-

<sup>20</sup> *Sarmiento D. F. Obras completas. T. VIII. Buenos Aires, 1895. P. 162, 199.*

<sup>21</sup> *Ibid. P. 103.*



ный конгресс. Каждый из этих органов имел бы разную власть и функции. Законодательные органы становились «муниципалитетом муниципалитетов», конгресс — представителем населения каждой провинции<sup>22</sup>. Сармьенто выступал против разграничения гражданских и политических прав. Для Альберди это основополагающая идея, наиболее эффективная форма для решения проблемы установления политических свобод, надежная преграда на пути «неограниченной демократии». Такой путь не устраивал Сармьенто. Вместо трансплантации гражданского общества он предлагал перенести политическую систему — конституция и законы должны немедленно превратить иммигранта в гражданина, обязать принять его гражданство, как в США: «Различие между аргентинцами и иммигрантами должно быть устранено. Не должно быть двух наций, а одна Аргентинская нация; двух прав, а одно общее право. Иностранцы, говорит сеньор Альберди, пользуются гражданскими правами... Зачем проводить различие?»<sup>23</sup>. Согласно Сармьенто, неучастие в политической жизни формирует у иммигранта эгоизм, превращает его лишь в агента материального благополучия, исключая из демократического процесса, тогда как он должен быть «элементом порядка и свободы, стеной против варварства»<sup>24</sup>.

Центральную роль в демократическом преобразовании страны Сармьенто отводил всеобщему просвещению народа. В нем он видел ключ к решению всех стоящих перед страной проблем. Народное образование — отправной пункт для создания республики. Цель образовательной системы — формирование граждан. Для этого образование должно стать доступным для всех, его необходимо распространить на все классы общества. В отсутствие образования Сармьенто усматривал причины классовых различий: «У нас общество разделено на богатую аристократию, у которой земля и власть, и бедных белых, у которых нет состояния. Это результат плохого образования»<sup>25</sup>.

Для Сармьенто равные права, предоставленные конституцией всем жителям страны, будут основой демократической организации лишь при условии, что ими смогут сознательно пользоваться.

---

<sup>22</sup> Ibid. P. 241, 247.

<sup>23</sup> Ibid. P. 351.

<sup>24</sup> Ibid. P. 353.

<sup>25</sup> *Sarmiento D. F. Op. cit. T. XXI. P. 190.*

Отсюда вытекала обязанность любого правительства дать образование подрастающему поколению. Бедный отец не мог быть ответственным за образование своих детей. Но общество заинтересовано дать образование всем детям, чтобы они со временем составили нацию на основе полученного в детстве образования и были в достаточной степени подготовлены к исполнению общественных обязанностей. Выход из классового неравенства лежал в создании единой для всех аргентинцев школы. При этом условии образование предоставляло бы реальное равенство, так как, учась в одной школе, дети богатых и бедных родителей получают одно образование, будут разделять одни привычки и культурные ценности<sup>26</sup>. В такой школе образование создаст настоящую демократию, «уравняв расы и классы»<sup>27</sup>. Из этого вытекала формула Сармьенто: «Школы — это демократия». В противоположность Альберди, который выступал за практическое образование, Сармьенто придавал школе роль важного агента социальных изменений, и учителя, обучающего детей грамматике и арифметике, ставил на первое место. При этом он не был противником профессионально-технического образования, но считал, что ему требуется школьный фундамент.

Две силы, согласно Сармьенто, способны возродить страну и направить ее на путь демократического развития: «Народное образование и иммиграция»<sup>28</sup>. Успешная иммиграция неразрывно связана с решением аграрного вопроса. Чтобы укорениться в стране, иммигрант должен получить в собственность землю. Наряду с ним землевладельцем должен стать гаучо. Превращение гаучо в мирного земледельца навсегда покончит с монтонерой и каудильизмом, а образование разовьет его интеллект и позволит с большей производительностью трудиться на земле<sup>29</sup>. Моделью будущего аграрного строя должны стать земледельческие колонии, наподобие созданной в провинции Буэнос-Айрес в местечке Чивилькой, «с землей для каждого главы семьи и школой для его детей»<sup>30</sup>. Здесь на собственной земле трудились вчерашний гаучо и иммигрант; здесь же они и их

---

<sup>26</sup> Ibid. P. 153.

<sup>27</sup> Ibid. P. 245.

<sup>28</sup> *Sarmiento D. F.* Op. cit. T. XV. P. 226.

<sup>29</sup> *Sarmiento D. F.* Op. cit. T. XXI. P. 191, 262.

<sup>30</sup> Ibid. P. 266.

дети учились. По убеждению Сармьенто, образование и аграрная демократия нераздельны, являясь эффективным средством борьбы с варварством и основой цивилизации. Свою социальную программу, уже будучи президентом, Сармьенто выразил в следующих словах: «Улучшить социальные условия жизни большинства населения посредством образования и лучшего распределения земли»<sup>31</sup>.

В отличие от Альберди, который не призывал к ограничению латифундий и видел задачу правительственной политики в устранении всех препятствий для свободного приложения капитала к земле, Сармьенто в решении аграрного вопроса вдохновлялся примером США: «В США общественная земля распределяется маленькими участками, по сравнению с Аргентиной, и это породило общество равных... В США нет пролетариата, как среди нас, и как следствие — нищеты, зависимости, деградации»<sup>32</sup>. «Секрет величия США в том аграрном законодательстве, которое принял конгресс»<sup>33</sup>. Задачу своего президентства (1868–1874) Сармьенто видел в переносе на аргентинскую почву американских аграрных порядков. Однако предложенный им проект национального строительства не был реализован. Развитие Аргентины пошло в рамках республики «возможной».

В 1880 г. с федерализацией Буэнос-Айреса произошла окончательная консолидация аргентинского государства. Прекратились длившиеся десятилетиями междоусобные войны. В стране установилась мирная жизнь. Завершение национально-государственной организации привело к реализации заложенной в конституции линии на установление практически неограниченной президентской власти. С приходом к власти «поколения 80 года» (Х. А. Рока, М. Хуарес Сельман, Э. Вильде, М. Кане) открылась новая страница аргентинской истории — эпоха олигархического режима. «Поколение 80 года» принимало принципы либеральной экономики, но отвергло политическую демократию. Либералы и прогрессисты, эти деятели не были демократами и не верили в эффективность всеобщего избирательного права. Их взгляды Вильде резюмировал в следующих словах: «Всеобщее избирательное право есть триумф всеобщего

---

<sup>31</sup> *Sarmiento D. F. Epistolario entre Sarmiento y Posse. T. I–II. Buenos Aires, 1946. T. I. P. 188.*

<sup>32</sup> *Sarmiento D. F. Obras completas. T. VIII. P. 160-161.*

<sup>33</sup> *Sarmiento D. F. Op. cit. T. XXI. P. 181.*

невежества». Ему вторил Хуарес Сельман: «Советоваться с народом — это значит всегда допускать ошибку, так как последний имеет “исключительно смутные воззрения”»<sup>34</sup>. Теоретически легитимность либеральной демократии не подвергалась сомнению, откладывалось лишь ее осуществление на практике до того времени, когда к этому будет готово большинство народа. Режим стремился деполитизировать общественную жизнь, заменить политику административным управлением. Его девизом стало изречение президента Роки «мир и управление». Политический режим основывался на недопущении волеизъявления граждан. Существовала система тотального правительственного контроля над избирательными процессами, получившая название «правительство — главный избиратель».

Олигархический режим занимал радикальную социал-дарвинистскую позицию, которая служила интеллектуальным оправданием господствующим порядков. Аргентинский позитивизм подчинил все ценности экономической выгоде. «Моральный кодекс» аргентинского позитивизма был очень прост: «Хорошо все, что полезно для материального прогресса и экономического развития страны». Естественно, что под страной имелась в виду прежде всего олигархия.

В идейно-политической области позитивизм стал основой формирования либерального консерватизма. Последний соединял элементы либерализма, главным образом через предоставление конституционных гарантий и защиту олигархического государства путем отказа от демократизации политического строя на том основании, что это могло вызвать возврат к анархии. Представители «поколения 80 года» считали, что политической реформе должно предшествовать изменение обычаев, привычек — реформа менталитета: «деиспанизация», «делатинизация» народа.

В борьбе с олигархическим режимом в период кризиса 1890–1893 гг. появился Гражданский радикальный союз (ГРС) — радикальная партия. Ее создателем и первым идеологом был Леандро Алем (1842–1896). После его смерти ГРС возглавил Иполито Иригойен (1852–1933), который сыграл главную роль в демократизации политической жизни страны.

---

<sup>34</sup> Rivero Astengo Agustin. Juarez Cel'man. 1844–1909. Estudio documental de una época argentina. Buenos Aires, 1944. P. 378, 44.

На формирование идейно-политических взглядов Алема и Иригойена большое влияние оказал К. Ф. Ф. Краузе, сделавший моральные принципы лейтмотивом своей философии. Они не читали самого Краузе и усвоили морально-политическую сторону учения немецкого философа через работы его испанских последователей: Хулиана Саенса дель Рио, Эмилио Кастельяра, Николаса Сальмерона и Франциско Пи и Моргаля. Краусизм имел широкое распространение в Испании и Латинской Америке во второй половине XIX в. Краусисты были последовательными демократами, они верили во всеобщее избирательное право как панацею от всех общественных зол.

ГРС ставил главной целью утверждение в стране политической демократии. Поскольку по форме, букве конституции 1853 года власть была организована на либеральных принципах, но на практике государственно-правовые формы были наполнены не демократическим, а авторитарным содержанием, это наложило своеобразный отпечаток на политическую деятельность радикалов, которая превратилась в борьбу за соблюдение основных конституционных норм. Радикалы считали утверждение демократии венцом общественного прогресса. Как общественное движение радикализм с момента своего зарождения складывался на основе политической, а не социальной программы. Основопологающим признаком свободы, за которую призывали бороться Алем и его сторонники, было обеспечение политического равенства граждан.

Демократический идеал требовалось приблизить к народу, сделать понятным массам. Перед радикалами не мог не встать вопрос: опираясь на какие национальные традиции можно прийти к демократии? Радикалы — последовательные федералисты. Для Алема и его последователей федерализм являлся формой демократии, учитывавшей историко-культурное своеобразие Аргентины, был единственным путем приобщения к ней народа. В отличие от «поколения 80 года», трактовавшего федерализм как сугубо правовую норму, для Алема федерализм — прирожденное свойство нации. В концепции Алема она предстает как множество автономных организаций, охватывающих все социальные связи и прямо способствующих материальному и духовному благополучию народа во всех регионах страны.

Идея федерализации у Алема неразрывно связана с идеей политической свободы. Именно в представительной федеральной форме правления возможна, по мысли Алема, подлинная политическая демократия. В построениях Алема федерализм охватывает все ступени

общественной организации: сначала индивида и семью, затем квартал, вслед за этим муниципалитет, далее провинциальную власть и на заключительном этапе — центральное правительство<sup>35</sup>. Обрисовав свою модель политической организации, в которой прямое народоуправление, широкое самоуправление на местах сочеталось с централизацией высших эшелонов государственной власти, Алем уделил самое пристальное внимание функционированию этой системы.

В представлении Алема, демократическая организация страны могла быть действенной только при условии существования политических партий. В противоположность взглядам «поколения 80 года» на партии, как на зло, которое вносит раскол в общество, Алем утверждал, что именно в них воплощается политическая жизнь, столь необходимая для свободных народов. Для подтверждения своей позиции он апеллировал к опыту Англии и США, успешное развитие которых объяснял существованием и борьбой политических партий<sup>36</sup>.

Подавление демократических свобод Алем связывал с отсутствием морали у правящих кругов. В моральной идее он видел единственное средство возрождения общества и прежде всего самой власти. Отсюда — требование радикалов об утверждении в стране «административной морали», которая наряду со «свободными выборами» и «устранением вмешательства властей в избирательный процесс будет настоящим спасением родины»<sup>37</sup>.

Аргентинский радикализм с момента своего возникновения в 1891 г. преследовал цель разрушить олигархический режим до основания. Вместе с тем, доктрина ГРС не исчерпывалась задачей искоренения. С самого начала радикализм ратовал за возвращение к истокам, к национальным корням. Это сопровождалось появлением в документах ГРС таких понятий как восстановление, возрождение. Возрождение, о котором говорил Алем, имело целью «восстановление гражданской жизни»<sup>38</sup>. Это возрождение — «новый дух, новая жизнь». В поисках подлинного, оригинального возрождение должно

<sup>35</sup> Alem L. N. Mensaje y destino. T. I–VIII. Buenos Aires, 1955–1957. T. VI. P. 298.

<sup>36</sup> Asambleas constituyentes argentinas / Ravignani E. (ed.). T. I–VI. Buenos Aires, 1937–1939. T. VI. P. 484; Alem L. N. Op. cit. T. VI. P. 262.

<sup>37</sup> Argentina. Congreso nacional. Cámara de senadores. 1891. Buenos Aires, 1892. P. 104. [Далее: Senadores].

<sup>38</sup> Alem L. N. Op. cit. T. VIII. P. 125.

дойти до корней, потому что именно там может быть найдена твердая основа для перестройки страны. Последнее немислимо без изменения самого человека, «его морального облика, обуздания им своих пороков и дурных привычек»<sup>39</sup>. К Алему восходит концепция обновления общественного порядка как некоего осуществления моральных заповедей, которая наиболее полное и законченное выражение получила во взглядах Иригойена — иригойенизме.

Для установления демократии Алем не исключал насильственных методов борьбы. В 1890–1893 гг., когда страна переживала глубокий кризис и узкокорыстной политикой олигархического режима была поставлена на грань национальной катастрофы, Алем провозгласил необходимость революции. Обращение к революции не воспринималось как призыв к путчу, а рассматривалось как законное право народа на защиту своих интересов, как законное средство борьбы за спасение родины<sup>40</sup>.

Радикалы сводили революцию к политическому перевороту. Для них была свойственна подмена социальных характеристик чисто политическими при описании сил, сталкивавшихся в развернувшейся в Аргентине борьбе. Она рисовалась им как столкновение между единым народом и противостоящей ему олигархией. Радикалы считали, что все преобразования, в которых нуждается нация, будут неизбежным следствием политических перемен, и надеялись обрести в политике точку опоры для разрешения социально-экономических проблем. Такое понимание революции вытекало из взглядов Алема. Как и «поколение 80 года», Алем отрицал существование сколь-либо серьезных социальных различий в стране, но считал, что чрезмерное усиление публичной власти породит в обществе деление на «привилегированные классы» и «низшие» и приведет к угнетению последних. Признавая приоритет политической организации в определении общественных связей, он полагал главной причиной нужды не классовое неравенство и эксплуатацию, а политическую тиранию государства, от которой страдают и против которой восстают<sup>41</sup>.

Неудача в вооруженной борьбе против олигархического режима в 1893 г. привела к кризису ГРС. Какую политическую линию должны выработать радикалы в изменившихся условиях, ко-

---

<sup>39</sup> Ibid. P. 121.

<sup>40</sup> Senadores. 1891. P. 408.

<sup>41</sup> Alem L. N. Op. cit. T. VI. P. 262, 307.

гда начавшееся хозяйственное оживление способствовало стабилизации политического положения в стране и сохранению олигархического режима? Ясного и определенного ответа у Алема не было. Видимо, в эту пору начался его душевный кризис, который в 1896 г. привел лидера ГРС к самоубийству. Возглавивший ГРС после смерти Алема Иригойен реорганизовал его на принципах непримиримости к олигархическому режиму. Иригойен завершил начатую Алемом разработку доктрины радикализма.

Главной проблемой оставалось, каким образом в конкретно-исторических условиях Аргентины утвердить демократию, за которую боролись радикалы. В отличие от Алема, Иригойен считал, что аргентинское общество находится еще далеко от рубежа, с которого ГРС мог действовать как политическая партия. У Алема в качестве причин отсутствия демократии фальсификация институтов и моральная деградация имели одинаковое значение. И это не случайно, так как для основателя радикализма антиморальные силы концентрировались в режиме. У Иригойена моральная деградация охватила все общество, что питало и воспроизводило режим. Поэтому Иригойен выделял ее в качестве главной причины, которая обусловила фальсификацию институтов и беды в других областях общественной жизни. Вычленив главную и универсальную причину, имевшую общенациональное значение и касающуюся каждого аргентинца, Иригойен открыл ряды ГРС для всех граждан, так как моральное исправление нации соответствовало интересам всех. На этом основании Иригойен обосновал законное право на существование ГРС как общенационального движения.

Идеи Иригойена стали важнейшим развитием радикализма как концепции жизни и предназначения нации, которые получили по имени своего создателя название иригойенизма. Иригойенизм, ставший доктриной ГРС, способствовал его консолидации, как общедемократического движения вокруг фигуры Иригойена, который, не занимая официального поста партийного лидера, был его вождем и идеологом. Краеугольным камнем иригойенизма являлась идея «морально-этического исправления» аргентинского общества. Иригойен видел корень зла в повреждении общественной морали<sup>42</sup>. В этом крылась причина как недопущения властями свободных вы-

---

<sup>42</sup> Yrigoyen, Hipólito. Pueblo y gobierno. T. I–XII. Buenos Aires, 1956. T. II. P. 120-121.



боров, так и апатии народа. Зло не могло быть вылечено в рамках режима. Нужна была революция. Иригойен рассматривал ее как состояние духовного восстания<sup>43</sup>. В такой трактовке насилие носило, прежде всего, моральный характер и являлось частью триады: революция, непримиримость и абсентеизм. Вся триада, по мысли Иригойена, имела революционный характер. Непримиримость воспитывала сознание недопустимости соглашения с режимом. Абсентеизм означал отказ радикалов от участия в мошеннических выборах. Эти способы политического действия комбинировались в рамках радикальной революции, которая совершалась как мирным, так и вооруженным путем и преследовала цель морального возрождения нации, восстановления ее институтов и суверенитета<sup>44</sup>. Задача установления демократии могла быть решена только общенациональным движением. Необходимость революции вытекала из предшествующего развития страны. В истории Аргентины Иригойен выделял три важнейших события: независимость, национальную организацию и появление радикализма. Этим событиям соответствовали три революции: против Испании, за независимость; против диктатуры Росаса, за свободу; против олигархического режима, за суверенитет народа.

Радикализм призван был не только завоевать власть и освободить народ от господства олигархии, но и внести в него гражданское сознание<sup>45</sup>. Таким образом, конституционные установления, которые существовали сами по себе, вне сознания человека, стали бы существовать в нем самом. Формирование политического сознания через этику вело к формированию гражданина вне зависимости от его классовой принадлежности, прививало чувство надклассовой общности — нации. Национализм Иригойена служил средством распространения прав и обязанностей «общей гражданской жизни» на все общественные классы и преследовал цель «положить конец антагонизму между народом и правительством»<sup>46</sup>.

Взгляд Иригойена на ГРС как общенациональное движение — «мы сама родина» — имел под собой серьезные основания. Радикализм возник в эпоху массовой европейской иммиграции, когда остро встала проблема интеграции огромной массы людей — детей

<sup>43</sup> Yrigoyen H. *Mi vida y mi doctrina*. Buenos Aires, 1984. P. 79.

<sup>44</sup> Ibid. P. 108.

<sup>45</sup> Ibid. P. 84, 131, 124.

<sup>46</sup> Ibid. P. 125.

иммигрантов — в аргентинскую нацию. ГРС стал выразителем этих потребностей, превратившись как бы в воплощение нации на новом этапе ее развития. Политическая демократия, за которую он боролся, гарантировала включение этих масс в общественную жизнь страны в качестве равноправных граждан. Таким образом, национализм радикалов был неразрывно связан с демократией, стал формой борьбы с олигархией. С точки зрения Иригойена, идеи политической демократии и морального исправления должны были стать важнейшими элементами национального сознания, их усвоение — свидетельством его обретения.

В представлении Иригойена нация — это совокупность личностей, организм, учрежденный рядом других организмов (семья, различные ассоциации), основой которых является человек как индивид. Но Иригойен — не националист в общепринятом значении этого слова. Его национализм — не форма ксенофобии. Для Иригойена нация существует не изолированно, а в содружестве с другими нациями на принципах равенства. Все нации имеют равные и права, и обязанности. Принципы уважения и мира, равенство и невмешательство — результат морального исправления нации через восстановление индивида как суверенной личности. Из морально-этической концепции Иригойена органично выросли патриотизм и интернационализм, неприятие войн. «Народы священны для народов, — утверждал Иригойен, — и люди священны для людей»<sup>47</sup>. Эти взгляды впоследствии в немалой степени обусловили политику нейтралитета, которую Аргентина проводила во время первой мировой войны.

В доктрине Иригойена нация реализовалась в государстве, которое носило надклассовый характер, регулировало взаимоотношения различных классов и слоев аргентинского общества. Оно обязано соблюдать интересы всего общества, а не только его состоятельной части, быть защитником и покровителем трудящихся, проводить политику социальной справедливости. Отсюда — один шаг до придания радикализму социального характера, что позднее нашло отражение в действиях Иригойена на посту президента. Борьба ГРС во главе с Иригойеном за демократизацию политической системы увенчалась успехом в 1912 г., когда аргентинский конгресс принял закон о всеобщем избирательном праве при обязательном и тайном голосовании, что стало началом утверждения в стране демократического режима.

---

<sup>47</sup> Ibid. P. 60.